

© 1997 г. Н.С. Курек

**ПЕДОЛОГИЯ И ПСИХОТЕХНИКА О НРАВСТВЕННОМ,
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И ФИЗИЧЕСКОМ УРОВНЯХ РАЗВИТИЯ
НАСЕЛЕНИЯ СССР В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ***

Проведен обзор педологических и психотехнических исследований, содержащих информацию о низком уровне нравственного, интеллектуального и физического развития населения СССР в 20-е годы. В них были выявлены также национальные и социальные отличия: представители ряда азиатских национальных меньшинств уступали по некоторым психофизическим параметрам славянам, а интеллигенция превосходила по уровню интеллекта рабочих и крестьян. Эти исследования стали причиной идеологических обвинений педологии и психотехники в "тестологической гипердиагностике слабоумия, признака особой одаренности высших рас и эксплуататорских классов, физической и духовной обреченности трудящихся и низших рас". В статье впервые подробно описываются исследования интеллекта, проведенные А. Штилерманом в Узбекистане в 20-е годы.

Ключевые слова: педология, психотехника, культурно-историческая концепция в психологии, нравственное, интеллектуальное, физическое развитие.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. "О педологических извращениях в системе наркомпросов" педологии предъявлялись обвинения в признании высших и низших классов и рас, гипердиагностике слабоумия с помощью тестов. В нем, в частности, сообщалось: "Практика педологов, протекающая в полном отрыве от педагога и школьных занятий, свелась в основном к ложнонаучным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т.п., давно осужденных партией" [18, с. 364] ... "В этих же целях действовала обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников, некритически перенесенная на советскую почву из буржуазной классовой педологии и представляющая из себя форменное издевательство над учащимися, противоречащая задачам советской школы и здравому смыслу" (там же, с. 365) ... "Все это вело к тому, что все большее и большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и "трудных"... ЦК ВКП(б) устанавливает, что такая теория могла появиться лишь в результате некритичного перенесения в советскую педагогику взглядов и принципов антинаучной буржуазной педологии, ставящей своей задачей в целях сохранения эксплуататорских классов доказать особую одаренность и особые права на существование эксплуататорских классов и "высших" рас, и с другой стороны — физическую и духовную обреченность трудящихся классов и "низших" рас" (с. 367).

Возникает ряд вопросов: действительно ли педологи и психотехники в ходе своих

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 101/1995).

исследований выявили с помощью тестов большое количество умственно отсталых, дефективных, трудных детей в СССР? Как это могло стать доказательством, с одной стороны, особой одаренности и особых прав на существование эксплуататорских классов и высших рас, а с другой – физической и духовной обреченности трудящихся классов и низших рас? Поскольку за практическое использование тестов в 1936 г. была запрещена и психотехника, то, возможно, эти вопросы касаются и психотехнических исследований взрослых.

Для того, чтобы ответить на них, я провел поиск педологических и психотехнических исследований, содержащих критическую информацию о низком уровне нравственного, интеллектуального и физического развития населения СССР, и обнаружил большое количество подобных работ. Кроме того, аналогичные данные публиковались и до Октября 1917 г. Я их систематизировал и проанализировал. Обзор этих исследований помогает понять некоторые причины запрета педологии, психотехники, тестов и открывает неизвестные страницы истории психологии в СССР.

ПЕДОЛОГИЯ И ПСИХОТЕХНИКА О НРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 20-е ГОДЫ

Уровень нравственного развития популяции определяется по степени усвоения и соблюдения в ней таких общечеловеческих норм, как вера в бога, уважение к чужой и собственной жизни, людям других национальностей, интеллектуальным и духовным ценностям, негативное отношение к агрессии.

Низкий уровень нравственного развития 5–7-летних детей и молодежи России отмечался еще до Октября 1917 г. Так, в 1907 г. М. Жуковский писал о деморализующем влиянии революции 1905 г. на детей: "Теперешние дети играют в казни, расстрелы, устраивают вместо игрушек виселицы. Что будет из этих детей, покажет будущее" [10, с. 162]. Он проводит аналогию между ними и детьми "осады Парижа" во время Французской революции, которые имели симптомы морального вырождения и физической слабости. В 1911 г. И.П. Островский отмечал увеличение числа самоубийств среди российской молодежи: на лиц до 30-летнего возраста приходилось 62,6% самоубийств в Санкт-Петербурге, 73,9% – в Москве, 74,69% – в Одессе. По мнению автора, самоубийство – моральная катастрофа, вызванная отсутствием идеалов, смысла жизни, одиночеством, бедностью [21].

Многочисленные исследования и наблюдения педологов свидетельствовали о низком уровне нравственного развития подростков и юношей в России и после 1917 г. Они касались в первую очередь детей рабочих и крестьян. Г.А. Фортунатов в результате исследования свободно возникающих сообществ подростков пришел к выводу о том, что их хулиганские шайки в деревне превратились в агрессивные комсомольские ячейки. Он писал: "Революция отразилась на жизни мальчишеских компаний очень заметно... Переход от побоищ под предводительством вожака – "всегда растрепанного и грязного, в красной распоясанной рубашке, с всклокоченными волосами, обладавшего большой силой, но не могущего одолеть таблицу умножения" – к организации комсомольской ячейки представляет типичное явление. Комсомол прекращает войну между противоположными концами деревни и начинает борьбу со взрослыми, противодействующими созданию ячейки" [34, с. 533].

После революции дети потеряли интерес к профессиям умственного труда и перестали верить в бога. Так, Н.А. Рыбников, изучая интересы школьников, пришел к следующему заключению: "Революция сильно повысила интерес к профессиям, связанным с ручным трудом, вместе с тем она свела в разряд низкооплачиваемых ряд профессий умственного труда" [27, с. 7]. У крестьянских детей он отмечал заметное ослабление влияния религии: больше половины школьников причисляли себя к атеистам, а пионеры на три четверти оказались безбожниками [28]. При этом религиозность некоторых рабочих-подростков, по мнению Р.Г. Виленкиной, была связана только с обрядовой стороной [6].

Дети, несмотря на пропаганду пролетарского интернационализма, оставались националистами. Педологи из Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена провели исследование интернационального воспитания. Школьникам был задан вопрос: "Какой народ самый худший и какой самый лучший и почему?". 90% назвали свой народ самым лучшим, 33% не могли обосновать своего предпочтения, 29% объяснили предпочтение своего народа его положительными качествами, 20% – понятностью языка, 6% – принадлежностью к нему родственников. И только 3% детей ответили, что нет ни лучших, ни худших народов. К худшим отнесли евреев, татар, узбеков, армян [14]. Современный генетик В.П. Эфроимсон считает: "Умственная отсталость или незрелость и даже узость мировоззрения может легко приводить к тому, что в психологической и юридической практике зарубежных стран получило название *comention* – суждение об окружающем с позиции группы своего непосредственного окружения" [44, с. 182]. Очевидно, именно такие суждения и были выявлены у детей при исследовании мировоззрения, интернационального воспитания. В 1931 г. П. Левентуев в статье "Политические извращения в педологии" писал: «В этих испытаниях налицо политическая неграмотность ("народ"), налицо объективно-вредительский элемент: "Какой народ самый худший, какой народ самый лучший"» [14, с. 65].

Таким образом, для нравственного развития части российских детей после Октября 1917 г. были характерны: склонность к насилию, пренебрежение умственным трудом, атеизм, национализм. При этом П.П. Блонский предлагал моральные дефекты считать нормой: "То, что в педагогическом обиходе называется морально-дефективным ребенком, часто есть просто ребенок нового поколения, нового общественного уклада..." [3, с. 52].

Психотехники отмечали снижение уровня нравственности и у взрослого населения СССР. Так, доктор Ф. Баумгартен считала характерной чертой русских низкий уровень ценностного отношения к времени, что связывала с преобладанием крестьянского труда, любовью к групповому времяпровождению, недостатком политических прав и свобод, приниженностью роли личности в России. Последнее, по ее мнению, может компенсаторно привести к реакции оппозиции в форме нарушения всех временных сроков: "Прихожу, когда хочется, делаю, что мне вздумается". Это препятствует научной организации труда, его эффективности [2].

Для преодоления национального "дефекта" борьбы за экономию времени в СССР в 20-е годы была создана "Лига времени". В ее руководство входили: один из лидеров коммунистической партии Л. Троцкий и ведущий психотехник И.Н. Шпильрейн. Издавался журнал "Время". Однако кампания борьбы за экономию времени приняла дисциплинарно-административный характер. Согласно утвержденному в учреждениях порядку, каждый заведующий отделом ежедневно должен был приходиться на службу к 10 часам утра и оставаться по крайней мере до 14 часов; в обязанность мелких служащих входило отмечать черным карандашом время, в течение которого они работали, а цветным – те часы, которые проведены ими на службе в развлечениях, сене и безделье [1].

ПЕДОЛОГИЯ И ПСИХОТЕХНИКА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 20-е ГОДЫ

Уровень интеллекта – общая интегративная характеристика познавательных процессов: ощущения, восприятия, памяти, мышления, психомоторики.

Низкий уровень интеллекта российских детей отмечался еще до Октября 1917 г. В 1906 г. доктор В.П. Щербинин на I Всероссийском съезде по педагогической психологии сделал доклад "Вырождение среди учащихся в средней школе, влияние этого фактора на успехи и поведение" [22]. Экспериментальные исследования и наблюдения показали, что две трети школьников отягощены нервной и психопатологической наследственностью. Они плохо учились и отличались слабым вниманием, памятью,

наблюдательностью, волей, неустойчивым настроением. Щербинин считал причиной интеллектуального снижения не только наследственность, но и царский строй, который препятствовал оздоровлению населения, ослабленного пьянством, венерическими заболеваниями и голодом. В 1911 г. на I Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике доктор Щеглов отметил повышенную утомляемость школьников, которая проявлялась в лени, капризах, низкой успеваемости. По его мнению, она отражала общую психофизическую слабость россиян [20].

Тестологические исследования, проведенные после революции в 20-е годы, также свидетельствовали о низком интеллектуальном уровне населения СССР. По сравнению с дореволюционным периодом, они касались взрослых и детей и содержали данные о национальных и социальных отличиях в интеллекте. Именно эти исследования стали объектом идеологической критики и одной из причин запрета педологии и психотехники.

Особенно широкую известность приобрели исследования интеллекта в Узбекистане, еще долгие годы после революции сохранявшем старые черты колониальной окраины России. В Узбекистане оказалось много русских медиков, служивших раньше в царской армии. Они считали себя "культурными завоевателями", призванными помочь туземцам осваивать цивилизацию. Именно доктора В. Соловьёв, А. Штилерман, В. Широкова-Диваева, А. Шишов и др. были авторами первых в России сравнительных педологических и психотехнических исследований детей и взрослых разных национальностей: их интеллекта, идеалов, строения тела. Они не были профессиональными психологами, но благодаря высокой культуре с успехом освоили методологию педологического и психотехнического исследования. С 1927 по 1931 г. в Ташкенте издавался журнал "Медицинская мысль Узбекистана", отличавшийся высоким профессиональным уровнем, ориентацией на Запад, сохранивший связь с дореволюционными традициями русской медицины. В нем и были напечатаны работы вышеупомянутых авторов.

Доктор В.К. Соловьёв в 1927–1929 гг. использовал набор тестов для исследования интеллекта 1500 кандидатов в военную школу, 112 курсантов, 393 солдат Узбекского стрелкового батальона и нашел различия между европейцами и узбеками: "Нам сразу приходится констатировать более низкие уровни узбеков" [29, с. 154].

Сотрудник школьно-профилактической лаборатории в Ташкенте А. Штилерман в 1925–1927 гг. провел исследования интеллекта тестами Бинэ–Симона и Россоломо, а мировоззрения – с помощью анкеты для изучения идеалов у 4000 узбекских школьников. У них было выявлено резкое снижение интеллекта: слабость осмысления, замедление комбинаторных процессов, скудость ассоциаций, бедность воображения, отсутствие абстрактного мышления. Штилерман считал психику узбекских детей примитивной: "Мы встречаемся у них с особенностями, свойственными примитивной психике, так, например, с хорошей зрительной памятью, большой внушаемостью, наблюдательностью и с почти полным отсутствием навыков и умственных процессов отвлеченного характера" [42, с. 126]. Это свойство их психики отразилось также в ограниченности идеалов: 90% школьников хотели стать торговцами или ремесленниками; 10% – милиционерами или канцеляристскими работниками. По мнению Штилермана: "Узость интересов и эмоциональная вялость являются специфическими особенностями узбекских детей" (там же).

В 1928 г. Штилерман опубликовал результаты другого исследования интеллекта 164 школьников-узбеков (8–15 лет) в сравнении со стандартами русских и украинских учащихся [43]. Испытуемых обследовали модифицированным тестом Россоломо: тексты и картинки были близки и понятны узбекам. Изучали внимание, восприятие, память, осмысление, комбинирование, сметливость, воображение, наблюдательность. Штилерман обнаружил среди узбекских детей по уровню интеллекта: нормально-одаренных – 16,8%, легко-отсталых – 63,4%, глубоко-отсталых – 19,8% (в нормальной популяции лишь 2–3% являются умственно отсталыми). При этом стандарты одаренности русских мальчиков были выше узбекских в 2–5 раз. К тому же в 12–14 лет

умственная одаренность узбекских детей снизилась. Сравнение интеллекта узбекских и украинских школьников привело исследователя к аналогичному заключению: "Мы имеем глубоко-отсталых мальчиков-узбеков в 8 раз больше, девочек – в 1,5 раза больше, чем украинских школьников" [43, с. 50]. Причину примитивности, интеллектуальной отсталости узбекских детей он видел в особенностях физиологического развития, социально-бытовых условий. Ученый полагал, что на развитие интеллекта негативно влияет узбекская люлька-бешик, в которой новорожденный, привязанный бинтами за ручки и ножки, лежал неподвижно с первых дней жизни до двух лет: "Неподвижное лежание в бешике, помимо общей задержки роста и деформации скелета, тормозит всю психическую деятельность ребенка в раннем возрасте" [42, с. 127]. Эта очень интересная мысль может объяснить и некоторые стороны психических дефектов славян, которые в меньшей степени, но также долго или слишком туго пеленают младенцев.

Исследования Штилермана вызвали сильнейшую идеологическую реакцию. Секретарь Среднеазиатского республиканского бюро ЦКП(б) Зеленский назвал его статьи глубоко шовинистическими [30]. Из Москвы в Узбекистан был командирован знаменитый идеологический "погромщик" психолог П.И. Левентуев, который в 1932 г. в статье "Против великодержавного шовинизма в педологии" писал о Штилермане: "Он грубо клеветает и превращает узбекских детей в сплошную массу идиотов" [15, с. 47]. С негативной оценкой работ Штилермана выступил руководитель советской психотехники И.Н. Шпильрейн [40].

Один из лидеров советской психологии и педологии Л.С. Выготский большую часть статьи "К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств" посвятил критическому анализу исследования Штилермана. По его мнению, тесты в исследовании Штилермана были недостаточно модифицированы. Выготский приводит все количественные результаты ученого и с негодованием заключает: "Неумение различать культурное развитие и недоразвитие в различных формах примитивности приводит на деле к тому, что по данным ошибочно поставленных исследований среди целого народа оказывается только одна шестая часть одаренных" [7, с. 376]. Но при этом в своей статье он ни разу не назвал фамилии исследователя и национальность испытуемых. Впоследствии это привело к тому, что Л.С. Выготский и А.Р. Лурия стали считаться в СССР пионерами этнопсихологии. Во многом этому они способствовали сами. В 1930–1932 гг. Лурия и его сотрудники совершают научные экспедиции в Узбекистан. Об этом Лурия пишет немецкому психологу Кёлеру, сообщая ему, что проводит первое в СССР психологическое изучение мышления в Средней Азии. Выготский же в письмах Лурии отмечает, что его исследования в Узбекистане заслуживают мировой известности (см.: *Е.Д. Хомская. "Александр Романович Лурия. Научная биография". М., 1992, с. 32–33*). Не находим упоминания об исследованиях Штилермана и в книге Выготского и Лурии "Этюды по истории поведения", которая была посвящена сравнительному анализу психики примитивов и детей. Но косвенная, анонимная критика тестологических исследований интеллекта в ней содержится. Все это позволяет предположить, что культурно-историческая концепция создавалась отчасти под влиянием исследований Штилермана и Соловьёва в Узбекистане в целях их критики. При этом научные экспедиции Лурии в Среднюю Азию, а Запорожца – в Сибирь также, возможно, были совершены не только для доказательства культурно-исторической концепции Выготского, но и для опровержения результатов Штилермана. Лурия с сотрудниками обследовали десятки узбекских испытуемых: безграмотных, студентов техникума, колхозных активистов. Было установлено, что узбекам, особенно безграмотным, свойственны: конкретно-ситуативное мышление, классификация по ситуативному признаку, отвечающему жизненным условиям; отсутствие иллюзий восприятия, непонимание вопросов об отличительных особенностях своего характера, о своих достоинствах и недостатках [16]. Таким образом, основные выводы предыдущих исследований Штилермана и Соловьёва были подтверждены, а не опровергнуты. При

этом результаты исследования Лурии явно уступали данным Соловьёва и Штилермана: отсутствовал количественный анализ, испытуемых было в десятки раз меньше. К тому же Выготский и Лурия считали, что социалистическое развитие Узбекистана устранит примитивность психики узбеков. Эта гипотеза менее интересна, чем предположение Штилермана о негативном влиянии люльки-бешика. Даже в 1974 г. Лурия в книге "Об историческом развитии познавательных процессов" утверждал: "Кратковременное обучение и активная работа в коллективном хозяйстве, приводящая к организационному общению с людьми, к совместным обсуждениям хозяйственных вопросов и участию в общественной жизни, вносят коренные изменения в способы мышления, делают доступными теоретические операции, прежде не включавшиеся в практику людей и поэтому им недоступные" [16, с. 88]. Однако коммунистической власти в СССР не нужны были никакие научные опровержения, к тому же содержащие данные о примитивности советских людей. И культурно-историческая концепция развития психики подвергается в свою очередь жестокой критике. Делает это опять психолог – сотрудник Московского института экспериментальной психологии П.И. Размыслов. В статье «"О культурно-исторической теории психологии" Выготского и Лурии» он приводит протоколы экспериментов, которые как раз опровергают мнение о том, что социализм, участие в колхозах, коренным образом изменит мышление [24]. В эксперименте Лурии активной общественнице, неграмотной председательнице колхоза был задан вопрос: "Задумал бай разводить скот, а вышел у него скот, как муха". Испытуемая отвечает: "Как это может быть, что скот у бая был как муха? Он бай, и поэтому у него скот всегда крупный, как слон". Экспериментатор: "Предположите, что стал как муха". Ответ: "Мы идем к социализму. Советская власть отняла у бая все имущество и весь скот и не оставила баю даже мухи, т.е. такого скота, который не превышает величиной мухи. Байский скот не может похудеть; если у бая оказался только такой скот – это значит бая раскулачили". Экспериментатор, один из сотрудников Лурии, заключает: "Переубедить испытуемую не удалось". А Лурия добавляет: "Конкретное осмысление ситуации. Отказывается от допущений" [24, с. 83]. Размыслов выносит вердикт на основании этого примера: "Это лженаучная, реакционная антимарксистская теория на практике приходит к выводу, что политику в Советском Союзе осуществляют люди и классы, примитивно мыслящие, неспособные к какому-то ни было абстрактному мышлению" (там же).

В педологических и психотехнических исследованиях, проведенных в конце 20-х – начале 30-х годов, был также выявлен низкий уровень интеллектуального развития у других народов Средней Азии. Так, педолог Ф.Н. Петров обследовал с помощью теста Бинэ–Симона 1398 детей от 3 до 11 лет в Чувашии и Туркменистане. Он обнаружил, что 14% мальчиков и 17% девочек необходимо обучать во вспомогательных школах (по данным Штерна, в Германии было 3% таких детей). На каждые 100 школ для нормальных детей должно быть открыто 15–16 вспомогательных [19]. Сотрудник А.Р. Лурии психолог А.В. Запорожец исследовал методом Бинэ–Симона 52 ребенка-ойрота в Южной Сибири и выявил у них крайне низкий уровень интеллекта, который к тому же с возрастом снижался: у детей 8–12 лет коэффициент IQ был равен 69,15, а 13–16 лет – 64,8 [11]. Отмечу, что нормой умственного развития является IQ , равный 100, а при значении 70 (и ниже) диагностируется умственная отсталость. Аналогичные результаты были получены при обследовании детей-тунгусов, проведенном И. Булановым: в 10 лет IQ был равен 0,7–0,8, а к 15 годам он падал до 0,53–0,66 [4]. Таким образом, выводы Штилермана о низком интеллектуальном развитии детей центральноазиатских народов были подтверждены.

Не только представители среднеазиатских народов, но и крестьянско-пролетарской части славянского населения обладали низким уровнем интеллекта. В 1928–1929 гг. Е.В. Гурьянов и его сотрудники А.А. Смирнов, М.В. Соколов, П.А. Шеварёв обследовали в Московской области 141 ребенка рабочих, 200 детей крестьян, 73 ребенка служащих (8,5–11,5 года) тестом Бинэ–Термена. Оказалось, что IQ советских уча-

щихся в среднем ниже на 7%, чем американских школьников. При этом IQ детей служащих был наиболее высоким ($98 \pm 8,4$), у детей рабочих – более низким ($91 \pm 8,6$), а у детей крестьян еще ниже (87 ± 10) [9]. Педолог Н.А. Рыбников также выявил у крестьянских детей малую подвижность мышления, замедленный тип реакции, небольшой круг представлений [28]. Социальные различия в интеллекте между детьми рабочих и служащих носили устойчивый характер. Харьковский психотехник М. Сыркин провел в 1926–1928 гг. динамическое (лонгитюдное) исследование 424 украинских школьников (4–6-е отделения школы) с помощью тестов интеллекта. Все дети по социальному положению были классифицированы на шесть уровней: первый соответствовал детям рабочих, у которых хотя бы один из родителей являлся неграмотным; к шестому отнесены дети служащих, у которых хотя бы один из родителей обучался в вузе. Оказалось, что у школьников первой группы уровень интеллекта гораздо ниже, чем шестой. Это различие носило устойчивый характер и сохранилось при повторном тестировании через два года тех же испытуемых теми же методиками [31, 40].

Данные советских исследователей соответствовали результатам, полученным зарубежными учеными. Так, немецкий психолог В. Штерн сообщал, что Йеркс и Андерсон обследовали 54 ребенка из детского сада и первого класса школы и обнаружили более высокий уровень интеллекта у детей из обеспеченных слоев: мальчики из социальных групп с высоким уровнем дохода получили при обследовании интеллекта в среднем 37 пунктов, а остальные – 29, девочки – соответственно 44 и 33. Сам Штерн считал разницу в интеллектуальном развитии между детьми высших и низших классов равной шести месяцам [41].

У взрослых русских рабочих и крестьян также отмечался невысокий IQ. Психотехники И.Н. Шпильрейн, Д.И. Рейтынбарг, Г.О. Нецкий в книге "Язык красноармейца" приводили данные о том, что солдаты отличались крайне маленьким словарным запасом; в устной и письменной речи преобладали наиболее простые слова и короткие отрывочные предложения; в письменной речи на 145 слов в среднем была 31 ошибка [37, с. 53]. Мышление красноармейцев носило конкретно-ситуативный характер. Вот пример типичного решения ими силлогизма. Все члены клуба – подписчики библиотеки, Иванов – член клуба, значит, он – подписчик библиотеки. Красноармейцы возражали: "А может, он еще не успел записаться" (там же, с. 34). В 1929 г. Шпильрейн, выступая в Коммунистической академии, отметил, что красноармейцы "...легко запоминают, например, рисунок окна или животного, а треугольник или шестиугольник – этого они не знают, для них это абстракция. Круг – еще туда-сюда. Его красноармейцы называют "колесо", колесо-то красноармеец запоминает, треугольник, шестиугольник он не запоминает. Такая абстрактная форма теста для крестьянской молодежи не годится" [39, с. 40].

Одаренную интеллигенцию (т.е. лиц с высоким уровнем интеллекта) в СССР исследовали евгеники с помощью "половых анкет" и установили, что она была преимущественно из высших классов: дворянства, духовенства, купечества. Ю.А. Филиппченко сообщал в 1922 г., что среди выдающихся ученых Ленинграда: 22 чел. выходцы из дворян, 13 – из духовного сословия, 3 – из купеческого, 5 – из мещан, 5 – из крестьян [32]. Аналогичные результаты дало исследование представителей искусства: 49% – из дворян, 4,2% – из духовного сословия, 5,2% – из купеческого, 26% – из мещан, 15,6% – из крестьян [33]. Дети одаренных интеллигентов отдавали предпочтение, как правило, высококвалифицированным профессиям, обладали высоким уровнем специальных способностей. Но после Октябрьской революции интеллигенция была поставлена в трудные условия. Проф. А.В. Горбунов отмечал, что большинство интеллигентов имеет одного ребенка или совсем не имеет детей из-за тяжелых материальных условий [8].

Старая интеллигенция в прямом смысле слова вырождалась – не имела продолжения рода, эмигрировала, умирала. Новая же советская интеллигенция из рабочих и крестьян, партийные активисты, пришедшие к руководству страны, страдали много-

численными душевными и нервными заболеваниями. Согласно данным Л.Л. Рохлина, у 72,8% состава Академии коммунистического воспитания в Москве отмечался невроз; у 68% рабфаковцев наблюдались невротические явления, повышенная возбудимость, расстройства сна, навязчивые идеи; от 23,5 до 60% партийного актива Ростова, Харькова, Оренбурга страдало нервными заболеваниями. Причину патологии Рохлин видел в трудностях переключения с физического труда на умственный [26]. Доктор В.К. Соловьёв из Узбекистана писал: "Даже для комсостава, от 23–42% которого состоят членами партии, а 19–30% – членами комсомола, тесты, примененные нами для красноармейцев, оказались, вообще говоря, не слишком лёгкими" [37, с. 122].

В заключение отмечу, что в СССР 20-х и 30-х годов в результате ожесточенной критики в тестологии был внесен ряд ценных моментов. Первый – адаптация тестов к местным национальным и социальным условиям. Второй – введение Выготским понятия "зона ближайшего развития". Третий – перенос акцента в тестировании с результативной стороны умственной деятельности на процессуальную.

ПЕДОЛОГИЯ И ПСИХОТЕХНИКА О ФИЗИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР в 20-е ГОДЫ

В этом разделе речь пойдет об антропометрических исследованиях педологами и психотехниками характера строения тела. В то время считалось, что умственное развитие связано с конституцией человека. Педологи и психотехники с помощью различных индексов и формул на основе измерения роста, веса, окружности груди определяли антропометрический статус испытуемых. От уровня физического развития детей и взрослых зависела их пригодность к учебе и труду.

Антропометрические исследования в 20-е годы выявили низкий уровень физического развития, особенно у детей рабочих и крестьян, представителей центрально-азиатских народов СССР. А.А. Невский в 1926–1929 гг. обследовал ежегодно по 200–260 детей русских рабочих и пришел к заключению: "В то время, как показатели роста дают заметное нарастание, окружность груди и масса тела (вес) резко отстают в своем развитии, в результате чего массовый ребенок приобретает все более и более выраженный астеноидный характер" [17, с. 148]. О. Попова исследовала 120 детей русских крестьян 12–18 лет и выявила, что 77% из них имеют слабое физическое развитие [23]. По мнению проф. Д.Г. Рохлина, инфантилизм и задержка развития костей являлись характерной чертой молодежи Ленинграда: 87% юношей в 19 лет находились в состоянии полузрелости, а 6,5% – даже в препубертатном периоде [25].

Но физическое развитие узбекских детей оказалось еще ниже. В.П. Широкова-Диваева в результате сравнительного исследования индекса Пинье узбекских и русских школьников пришла в 1927 г. к такому выводу: "Налицо резкое отставание размеров грудной клетки и веса учащихся из коренного населения по сравнению с учащимися русскими тех же возрастов...", "данные медицинского освидетельствования во многих случаях не совпадают с заключениями по индексу Пинье: при отсутствии дефектов здоровья приходится относить их по индексу Пинье к индивидам очень слабой, неработоспособной организации" [35, с. 76]. Поясню, что индекс Пинье – интегративная антропометрическая характеристика, вычисляемая по формуле: $\text{рост (см)} - (\text{вес (кг)} + \text{окружность груди (см)})$. Низкие антропометрические показатели узбекских детей, по сравнению с детьми других народов, отмечали А. Штилерман и А. Шишов [36, 42]. Левентуев подверг критике исследования Широковой-Диваевой. В статье "Против великодержавного шовинизма в педологии" он писал: "Что лучшего может желать великодержавный шовинист, если "сама наука" подтверждает его утверждение о неспособности к труду представителей ранее угнетенных национальностей" [15, с. 47].

Особый интерес представляет еврейский вопрос, поскольку антисемитизм являлся обязательной чертой германского фашизма и российского великодержавного шовинизма, в которых обвинялись российские евгеника, педология и психотехника.

Нравственность евреев не отличалась от славянской. Представитель еврейского евгенического бюро С.С. Вермель в 1924 г. на основании сравнения преступности евреев и славян пришел к выводу: "Преступность евреев в общем не больше не-еврейской, что по характеру своему она не отличается от того, что нам известно о преступности вообще" [5, с. 158].

М.В. Игнатъева и Т.Н. Прокофьева в работе "Материал по имбридингу в московском населении", помещенной в 4-м томе "Трудов Медико-генетического института" (1936) под редакцией Левита, сообщили следующие данные о кровосмесительных браках среди евреев и русских. Статистическое изучение 5000 браков в Москве выявило снижение имбридинга (браков между близкими родственниками) у евреев и увеличение его у русских, особенно по сравнению с дореволюционным периодом [13].

Интеллектуальный уровень евреев, так же как и славян, был выше, чем у представителей центральноазиатских народов. Так, И.Н. Шпильрейн, Д.И. Рейтгынбарг, Г.О. Нецкий в 1923 г. исследовали студентов Коммунистического университета трудящихся Востока. Вербальный интеллект евреев оказался выше, чем у башкир и татар: евреи логически правильно определили 92% слов, башкиры – 78%, татары – 78% [37]. Аналогичные данные были получены о физическом развитии евреев. Е.В. Капусто в 1928 г. обобщил опыт работы антропометрического кабинета Ташкентской детской амбулатории и пришел к выводу: "Наблюдается отсталость узбекских и казахских детей в половом созревании от такового крымских евреев" [12, с. 60].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследования, проведенные педологами и психотехниками, свидетельствовали о низком уровне нравственного, интеллектуального и физического развития народов СССР в 20-е годы по сравнению с населением капиталистических стран Запада. При этом оказалось, что представители центральноазиатских народов уступали по психофизическим и нравственным качествам славянам и евреям (это касалось и взрослых, и детей). Очевидно, данные исследования и послужили основой для обвинений педологии и психотехники в гипердиагностике слабоумия, признании высших эксплуататорских классов и рас, физической и духовной обреченности низших рас и классов. Однако низкий уровень нравственного, интеллектуального и физического развития народов России отмечался и до 1917 г. Вероятно, войны, революции, голод, болезни, уничтожение представителей дворянства, купечества, духовенства, зажиточных крестьян привели к дальнейшей деградации населения. Данные российских педологов и психотехников и евгеников соответствовали положениям трактата Мореля "О вырождениях физических, умственных и нравственных человеческой породы". Кроме того, в этих исследованиях была осуществлена практическая задача евгеники: оценка психофизических качеств различных национальных и социальных групп популяции. Она свидетельствовала о социальных условиях в СССР, неблагоприятных для развития человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Англичане о лиге времени // Ж. Время. 1923. № 2. С. 68.
2. Баумгартен Ф. Сознание времени // Ж. Время. 1924. № 3. С. 1–7.
3. Блонский П.П. О так называемой моральной дефективности // Ж. На путях к новой школе. 1923. № 9. С. 41–54.

4. Буланов И. Материалы по изучению поведения ребенка-тунгуса // Ж. Педология. 1930. № 1. С. 54–64.
5. Вермель С.С. Преступность евреев // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 2. Вып. 2–3. С. 154–158.
6. Виленкина Р.Г. К характеристикам настроений рабочего подростка // Ж. Педология. 1930. № 1. С. 81–97.
7. Выготский Л.С. К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Ж. Педология. 1929. № 3. С. 367–378.
8. Горбунов А.В. Размножаемость московской интеллигенции по данным анкеты Русского евгенического общества // Русский евгенический журнал. 1928. Т. 6. Вып. 1. С. 3–54.
9. Гурьянов Е.В., Смирнов А.А., Соколов М.В., Шеварёв П.А. Шкала Бинэ–Термена для измерения умственного развития детей. М.: Работник просвещения, 1930.
10. Жуковский М. О влиянии общественных событий на развитие душевных заболеваний // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1907. Вып. 3. С. 128–165.
11. Запорожец А.В. Умственное развитие и психические особенности ойротских детей // Ж. Педология. 1930. № 2. С. 222–235.
12. Капусто Е.В. Опыты работы антропометрического кабинета Ташкентской детской амбулатории // Медицинская мысль Узбекистана. 1928. № 4. С. 52–60.
13. Кольман Э. Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // Под знаменем марксизма. 1936. № 11. С. 64–73.
14. Левентуев П. Политические извращения в педологии // Ж. Педология. 1931. № 3. С. 63–67.
15. Левентуев П.И. Против великодержавного шовинизма в педологии // Ж. Педология. 1932. № 2. С. 46–50.
16. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.
17. Невский А.А. Дошкольник транспорта и его социальная среда // Ж. Педология. 1929. № 1–2. С. 145–155.
18. О педологических извращениях в системе наркомпросов // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1985. Т. 6. С. 364–367.
19. Опыт исследования интеллектуального развития чувашских детей по методу Бинэ–Симона // Ж. Педология. 1931. № 7–8. С. 127–128.
20. Отчет о Первом всероссийском съезде по экспериментальной педагогике // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911. Т. 8. Вып. 1. С. 76–85.
21. Островский И.П. Вопросы сравнительной психологии самоубийств у взрослых и детей // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911. Т. 8. Вып. 3. С. 55–67.
22. Первый всероссийский съезд по педагогической психологии // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1906. Вып. 3. С. 66–90.
23. Попова О. К вопросу об особенностях мышления крестьянского подростка в ШКМ // Ж. Педология. 1930. № 1. С. 54–64.
24. Размыслов П. "О культурно-исторической теории психологии" Выготского и Лурия // Ж. Книга и пролетарская революция. 1934. № 4. С. 78–86.
25. Расизм под флагом новой науки. Проф. Д.Г. Рохлин "Рентгеноостеология, рентгено-антропология". Биомедгиз, 1936 // Ж. Под знаменем марксизма. 1937. № 6. С. 189–192.
26. Рохлин Л.Л. Психогигиена умственного труда (к нервно-психической диспансеризации Украинского института марксизма-ленинизма) // Психогигиенические и неврологические исследования. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1930. Т. 2. Вып. 1. С. 190–203.
27. Рыбников Н.А. Интересы современного школьника. М.: Гос. изд., 1926.
28. Рыбников Н.А. Крестьянский ребенок. Очерки по педологии крестьянского ребенка. М.: Работник просвещения, 1930.
29. Соловьёв В.К. Годичный опыт и испытание общей одаренности узбеков и методический анализ серии ВСУ РККА // Ж. Психотехника и психофизиология труда. 1929. № 2–3. С. 151–167.
30. Соловьёв В.К. Из опыта конструирования национальных тестов // Ж. Советская психотехника. 1933. Т. 6. № 1. С. 30–55.
31. Сыркин М. Устойчивость социальных различий в показаниях тестов одаренности // Ж. Психотехника и психофизиология труда. 1929. Т. 2. № 1. С. 9–14.

32. *Филипченко Ю.А.* Наши выдающиеся ученые // Ж. Известия бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 22–38.
33. *Филипченко Ю.А.* Результаты обследования ленинградских представителей искусства // Ж. Известия бюро по евгенике. 1922. № 2. С. 5–29.
34. *Фортунатов Г.А.* Свободно возникающие сообщества подростков // Ж. Педология. 1929. № 4. С. 525–540.
35. *Широкова-Диваева В.П.* Опыт применения индекса Пинье в отношении учеников коренного населения УзССР // Ж. Медицинская мысль Узбекистана. 1927. № 2. С. 73–77.
36. *Шишов А.* Мальчики-узбеки. Антропометрические исследования // Ж. Медицинская мысль Узбекистана. 1928. № 4. С. 16–27.
37. *Шпильрейн И.Н., Рейтынбарг Д.И., Нецкий Г.О.* Язык красноармейца. М.: Гос. изд. "Книгосоюз", 1928.
38. *Шпильрейн И.Н.* Классовые различия в тестовых испытаниях школьников // Ж. Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. 3. № 1. С. 3–9.
39. *Шпильрейн И.Н.* Психотехника в реконструктивный период. Стенограмма доклада в Коммунистической академии 2 декабря 1929 г. и прений по докладу с предисловием И.М. Бурдянского. М.: Изд. Ком. Академии, 1930.
40. *Шпильрейн И.Н.* О повороте в психотехнике // Ж. Психотехника и психофизиология труда. 1931. Т. 4. № 4–6. С. 247–286.
41. *Штери В.* Одаренность детей и подростков и методы ее исследования. Киев: Книгоспилка, 1927.
42. *Штилерман А.* Быт и здоровье узбекских детей // Ж. Медицинская мысль Узбекистана. Сборник, посвященный XL-летнему юбилею профессора Петра Фокича Боровского. 1927. С. 115–129.
43. *Штилерман А.* Материалы психологического исследования узбекских школьников ст. гор. Ташкента по переработанному краткому Россолимо // Ж. Медицинская мысль Узбекистана. 1928. № 4. С. 42–52.
44. *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995.